

ПРОЛОГ

Очнулась глубокой ночью, испугавшись, что проспала. Глянула на часы, висевшие над кроватью: полтретьего.

«Совсем разваливаюсь. Нервы ни к черту».

Сигареты еще вчера все вышли, пришлось разжиться мужскими. Втиснув одну в мундштук, закурила, встав у окна. Там было белым-бело, пусто и полосато: сперва накатанная снежная дорога, лес, далее снова — гладкий, как стекло, заснеженный луг, потом снова деревья, деревья, и за ними поблескивает железная дорога, единственным выходом и итогом.

Она привычно размечталась, потягиваясь: «Взять бы билет на поезд куда-нибудь далеко-далеко, на край света, Хабаровск или, там, Улан-Удэ... Ничего, глядишь и поедешь, да еще и без билета, в полосатой робе».

Как же ярко сверкает снег под полной луной, аж глаза режет...

Ан нет, не тень это, не блик. Это он там стоит, в знакомом пальто, в своей распрекрасной шляпе, смотрит прямо в окно, закинув голову, и как зло, глумливо поблескивают на свету очочные стеклышки.

Она вздрогнула от рыжей макушки до пяток, отпрянула от окна, спиной прижалась к стене, зажмурилась — и все-таки как гибельно, неодолимо тянуло глянуть снова.

«Прекрати, глупо», — и немедленно высунула нос, очень осторожно, точно из-за бруствера.

Разумеется, не было никого под окнами.

«Показалось. Наверное, тень от еловых лап да нечистая совесть».

Он, подобравшись со спины, как всегда неслышно, обнял, поцеловал, шепнул на ухо:

— Отстреливаемся?

— Все шутишь! — И все-таки на сердце заметно полегчало, стало куда спокойнее.

Такой уж он человек, действенный, как веронал. Вздохнув, закинула руки ему на шею, прижалась, спрятав лицо на груди:

— Уедем? Давай, а?

— Куда же?

— Все равно, главное, чтобы далеко-далеко. Папы больше нет, некому за меня заступиться. А ты можешь. Ты же все можешь, правда? Я не вынесу так больше.

Он, целуя мокрые глаза, шептал:

— Золотая моя, куда ж мы все бросим, на кого? Иван-дурак куксится, как бы не натворил чего, а бежать просто так — себя же оговорить. Ну а твой...

— Не говори про него. Он меня убьет.

— Ох. Что ты. Он занят лишь тем, чтобы денежки распихивать по кубышкам. Да и почитает себя великим комбинатором, Макиавелли, так просто он мараться не будет...

— О меня? Спасибо, — фыркнула она и попыталась оттолкнуть, но он держал крепко. Голос его изменился, стал повелительным:

— Довольно. Успокойся, соберись. Что на тебя нашло?

— Боюсь. Я знаю, ты хочешь меня бросить. Я была тебе нужна как выход на папу, на мужа...

— Ох. Глупая ты, глупая.

Чуть оттолкнув ее от себя, он пошарил в тумбочке и вынул коробочку, обтянутую зеленым бархатом:

— Н^а вот.

— Что это? — всхлипнула она, но в заплаканных кошачьих глазах уже заискрило, слезки, как бы сами втянувшись, высохли.

— Думал на Новый год подарить. Да вот не терпится узнать, угадал я с цветом?

Она, открыв крышечку, опешила.

— Да ты с ума сошел! Пусти.

Но он уже орудовал, бережно, умело вдевая се-режки в мягкие мочки:

— Тс-с-с, не дергайся, уши оборву. Вот, теперь смотри, — и, включив бра, развернул ее к зеркалу.

В нем отразилось очаровательное, пылающее от удовольствия молодое, но уже тронутое временем и горем личико, в обрамлении небрежно рассыпавшихся рыжих кудряшек. Над все еще свежим ртом красовалась бархатная нежная мушка, но наметилась боковая складка, и один край уже пополз вниз, сияли прозрачные зеленые глазки, под которыми уже лежали глубокие тени. И свежие изумрудные блики от сережек лишь подчеркивали следы увядания.

— Какая красота...

Он обнял ее, любуясь:

— Угадал. Смотри, как играют на свету. И в жизни никто не догадается, что это не бутылочные осколки.

— А что же? — не подумав, спросила она и застеснялась.

— Изумруды, моя прелесть. Теперь спать, а то с утра некрасивая будешь.

— И ты меня разлюбишь?

— Обязательно. Мигом в койку.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

В последнее время Колька Пожарский начал серьезно подозревать: то ли что-то сломалось в земном порядке, то ли грядет грандиозный шухер. Ибо мировая тельняшка приберегала для его семейства исключительно белые полосы, что всегда подозрительно.

О спиртном батя абсолютно позабыл, добросовестно, безропотно трудился на своем скромном месте: сторожем в промтоварах. Однако при этом в свободное время дни и ночи просиживал над литературой: изучал, подсчитывал и чертил. В паре случаев подкинул интересную идею по металлообработке, так что в итоге простым изменением угла приложения удалось ускорить процесс и улучшить.

Даже вечно всем недовольный мастер Семен Ильич восхитился: тут на патент, не меньше. Отец лишь улыбался: никакого смысла в формальностях и волоките он не видел никогда, считая,

что наградой должна быть не бумажка в рамочке и даже не премия, но сама работа.

Главврач Шор, Маргарита Вильгельмовна, поставила Антонину Михайловну перед фактом: с понедельника вы — старшая над медсестрами. И как-то так само получилось, что никто не возражал, то есть недовольных не было.

Наташка — теперь первоклашка — тоже пристроилась, как солидно заявляла сама, «в медицине». После школы бежала к маме, управившись со своими крючками-прописями, облачалась в белый халат, специально подрубленный по ее коротышечному росточку, и хлопотала. Помогала при смене белья, раздаче питания и без капризов драила не только посуду, но и места общего пользования. Теперь и не узнать вечную плаксу: что бы ни делала, она не проявляла ни тени недовольства. Невыносимая Наташка превратилась в настоящее золото, а то и со впаянными алмазами мамкиного наследства, терпением и трудолюбием.

У самого Кольки все шло без сучка-задоринки, он уже почти верил: скоро непременно удовлетворят и его ходатайство на условно-досрочное. Правда, незаменимый Сорокин, который всегда мог подсказать, куда, что да как писать, загремел в больничку, далеко в центре, и пока неясно, когда вернется.

Пожалуй, это самое плохое событие за последнее время. Главное, ничего не предвещало: толь-

ко-только сидел капитан, копался в бумагах — и вот побледнел, глаза завел и опал, как озимые. Прибывшая на «Скорой» врач сориентировалась немедленно: у нас не откачаем, срочно везем в Семашко. Пospели вовремя, откачали, руки-ноги двигаются, разговаривает внятно, слюни не текут — и то хлеб, есть надежда.

«Ничего, наше от нас не уйдет», — рассудил Колька. Пока же можно с полным правом наслаждаться тем, что есть: отличным снегом, морозом и предвкушением небольшого забега в хорошей компании. Как раз есть время проглотить что-нибудь и подправить смазку новехоньких лыж.

Дома, кроме отца, не было никого. Игорь Пантелеевич, подняв глаза от книг и брошюр, разложенных на столе, спросил:

— Ты перекусить, что ли? Сейчас погрею.

— Пап, да брось. Что я, безрукий? Не отвлекайся.

Отец отшутился:

— Ладно ершиться. Дай понянчиться с крошкой-сыном.

Налив щец щедро, «с горкой», нарубив не менее полбуханки, Игорь Пантелеевич пристроился напротив за столом. Колька, голодный с мороза, отправив в рот несколько ложек, остановился и проворчал:

— Смотришь, прям как мама, аж кусок в горло не идет. Пап, случилось что?

— Случилось, — признался отец.

Невольно защемило сердце.

— Выкладывай.

И Игорь Пантелеевич выложил кратко: через неделю он приступает к работе на «почтовом ящике», разрабатывающем приборы и, вообще, авионику для нужд гражданской и военной авиации.

— Это наверняка? — замирая, уточнил Колька.

— Абсолютно, — заверил отец, подливая еще поварешку.

И продолжил поражать: заниматься предстоит испытанием новых образцов приборов, в качестве врио руководителя лаборатории. Это для начала, а через несколько месяцев — на повышение.

— Станешь заведующим! Куда ж прежний-то делся, что ли, подсидел? — ворчливо спросил сын. Он был на седьмом небе, чувствовал: если он чего-нибудь не скажет, грубости какой, то просто лопнет от ликования. Так распирало, что надо было снизить градус радости.

— Да вот делся. Устал, наверное, — отшутился Игорь Пантелеевич.

Не светила бы ему никакая лаборатория, если бы не одно обстоятельство камерного характера, от посторонних глаз надежно скрытое.

А именно: за последние полгода в результате масштабной чистки на авиазаводах страны полетело множество голов. Корректные товарищи в серых костюмах — ревизоры из Мингосконтроля —

без особого напряжения повскрывали множество интересных вещей: от невыполнения плана до разбазаривания авиабензина, от нарушения финансовой дисциплины до незаконного содержания на балансе футбольных команд, проведенных по подсобному хозяйству как молодняк на откорме.

Что до конкретной лаборатории, в главы которых прочили Игоря Пантелеевича, то тут речь шла о банальном перерасходе спирта. Он не без оснований рассудил: Кольке все это знать ни к чему, к тому же имеется иной момент, который надо обговорить прямо сейчас.

А именно: Николаю снова придется оставаться за старшего.

— Дело вот в чем. Рабочий день, как ты понимаешь, ненормированный, а два часа в один конец на дорогу тратить бессмысленно. Выделяют на первое время койку в служебном помещении, в общежитии на Бахметьевской, прямо рядом с заводом. Да не семейное оно, и к тому же у нас жилплощадь эта имеется. Так что если и буду выбираться, то лишь на выходные.

— Пап, ну так ничего страшного. Не война, чай, переживем.

— Что, спишь и видишь, как бы от бати избавиться?

Разумеется, Игорь Пантелеевич подтрунивал. И ему, человеку по складу семейному, тяжеловато будет одному.

— Ты же приезжать будешь, да и мы выбираться, — заметил сын.

— Да это понятно.

— Вряд ли будет время тосковать.

Отец согласно кивнул:

— Само собой.

Признаться, Пожарский-старший лелеял тайную мысль о переезде. После реабилитации он серьезно работал над восстановлением прежних навыков, реанимировал английский, поскольку немецкий после плена у него и так был на уровне переводчика, разве техническую терминологию подтянуть. Чем он активно и занимался.

Очевидно было, что в нем, Пожарском, теперь серьезно заинтересованы, иначе не стали бы ни предложение выдвигать, ни под большим секретом намекать на то, что и в смысле жилья «все возможно».

Нет, Игорь Пантелеевич не бредил тем, как бы покинуть родную окраину, но все-таки отдельная квартира и ближе к центру — тут тебе и культура, и образование. На предприятии имеется медкорпус, санатории, или вот, рядом с заводскими помещениями — аж две больницы, так что при желании и Тонечке найдется место. Если так, то все сложится отлично: уже полгода как она старшей медсестрой трудится, как раз еще шесть месяцев, пока все утрясется, — и отношение к ней будет совершенно иное. На каком угодно месте примут.

На семейном совете, как только утихли восторги и ликования, размышления Игоря Пантелевича поддержали: не время семейно переезжать. Антонина Михайловна резонно заметила, что не может подложить свинью Маргарите, она на нее рассчитывает. Колька упирал на то, что добираться неудобно в ремесленное. «И Ольга», — думал, но не сказал он, родители и так понимают. Наташка тоже приуныла: все-таки только первый класс, привыкла уже и к друзьям-подружкам, и к первой учительнице, ходила в любимицах. Да и Оля нет-нет да забежит проведать, как там «сестренка», принесет конфет или булку.

В общем, все обязательно будет хорошо, но не сразу.

Тут Колька, спохватившись, молниеносно навострил лыжи и умчался проветриться, а Наташка завалилась в кровать — как солидно заметила, «отсыпаться после смены». Супруги же все обговорили окончательно.

— Тонечка, ты же понимаешь.

— Ты все правильно решил, Игорек. Считаю так: ни в коем случае нельзя отказываться. Во-первых, второй раз могут не предложить, во-вторых, специалисты нужны стране, нехорошо манкировать.

Игорь Пантелеевич, вздохнув, согласился:

— Оно так. Да просто как представлю, что приходишь после работы, а вас и нету.

— Тебе не до тоски будет, — с улыбкой заметила Антонина Михайловна, поглаживая его по

руке, — знаю я тебя: заработаешься до такого состояния, что приползать будешь — и спать. А там и выходные: или ты к нам, или мы к тебе.

— Колька вот.

— Да взрослый он, Игорь. Взрослый! Спит и видит, как бы отделиться от нас. Сам припомни, как иной раз себя ведет.

— Я потому и переживаю, — вздохнул Пожарский-старший, — все сам мечтает, своей головой. Почитает себя взрослым, ни мать, ни отец не указ, а сам-то... своя-то голова полна идеализмов и прочего белого дыма.

— Ничего. Не те времена сейчас, он уже ученый, разберется. И потом, на новом месте ты больше сможешь сделать, чем сейчас, для Коленьки.

Допив чай и окончательно успокоившись, супруги пошли укладываться. Кольку нечего ждать, не маленький.

ГЛАВА 2

Оля, невероятно хорошенькая в ярком свитере и в шапочке с помпоном, для порядка поворчала:

— Где ты пропал-то? Битый час жду.

Колька хотел традиционно огрызнуться, но вместо этого, оставив лыжи к стеночке и отобрав Олины, принялся целовать и тормозить, как куклу, чуть не подбрасывая к чернильным небесам.

— Я тебя люблю-люблю-люблю, — приговаривал он, а Оля, сменив гнев на милость, отбивалась с криками:

— Коля, не бей Олю, вспотеешь!

Отсмеявшись и пристегнув лыжи, поехали, разминаясь, не торопясь, рядом, и Колька, стараясь не прыгать от радости, поделился с Ольгой новостями.

— Это ж слов нет как хорошо! — просияла она, но тут же тревожно уточнила: — Погоди, вы что, переезжаете?

— Не-а. Пока некуда.

— Что значит «пока»?

Он объяснил. Но Оля продолжала допрос:

— То есть потом переедете? Позже?

Колька легонько наподдал ей палкой по пятой точке:

— Оль, тебе лет сколько? Куда я от тебя денусь-то? Вот закончу ремесленное, устроюсь на работу — и поженимся.

Она смутилась:

— Ты уж все решил.

— И давно уж. Не отделаешься от меня, понятно? — и, заложив крутой вираж, преградил ей путь.

— Отстань! — отталкивая его, протестовала девушка. — На морозе целоваться!

Колька, с трудом оторвавшись от приятного, пусть и нездорового на холоде занятия, попрыгал,

попробовав крепления, свистнул по-разбойничьи и помчался вперед, к лесу. Беспокоиться не о чем: сзади быстро, бесшумно летела Оля. Эх, как было замечательно нестись на отличных лыжах среди заснеженных елок и берез, сзади тают огни домов, впереди — темень, синева!

И никого. Ни детишек, ни пенсионеров-дачников тут и в помине не бывало, эта лыжня не для тех, кто предпочитает степенно ковлять по дорожкам. Отличную трассу прокладывают вдоль железки и общего забора «Летчика-испытателя»! С обеих сторон плотная полоса деревьев и кустарника, дорога идет сначала прямо, как струна — как раз для разминки, а потом начинает резвиться, то устремляясь вниз под опасным углом, то петляя, точно горный серпантин.

Колька коротко глянул за плечо: вот так так! Куда ж эта спортсменка делась? Прислушался, различил скрип снега под лыжным полотном, успокоился и решил пошалить. Как раз очередная горка, пологая, но длинная, так что конца ее не видно, да еще и с поворотом.

Колька, пятясь, отошел за толстую ель. Ежась от снега, ссыпавшегося за шарф и за шиворот, он переминался с лыжи на лыжу, чтобы не замерзнуть. Пьексы, может, и хорошие, и носки теплые, только не для того, кто стоит неподвижно. Скрип был слышен совсем рядом, и вот уже близко, из сумерек вылетела Оля — уже порозовевшая, со сдвинутыми бровями, наверняка уже злющая. Колька,

мысленно хихикая и потирая ручки, прикидывал, как она будет верещать и ругаться, если, к примеру, прямо сейчас тихонько поддеть лыжной палкой...

Он не успел напакостить: Ольга, оттолкнувшись, полетела вниз с горки, как угорелая. Колька, сплунув, выскочил из засады и устремился вдогонку. Воздух сгустился, еле заметные снежинки вдруг распухли до невозможности так, что застили глаза и секли лицо. Сквозь опущенные ресницы он еле видел, куда ехать, а Ольги не наблюдал вообще.

Р-р-раз! — откуда-то вылезла невидимая до того горка, Колька подлетел, как с трамплина, чуть не потерял равновесие. А впереди послышался сдавленный крик и шум падения.

Николай, припустившись под последнюю, самую крутую горку, еле успел сперва перепрыгнуть лыжи, отстегнутые и валяющиеся опасным крестом, а потом и затормозить. Оля стояла на коленках и ворошила какую-то кучу яркого тряпья.

ГЛАВА 3

— Т-твою ж...! — выругался Колька, освобождаясь от своих лыж.

Прямо на снегу валялась дамочка лет двадцати — двадцати пяти, одетая ярко и не по сезону: переливчатое платье с бессовестно низким вырезом, цигейковая шубейка — и почему-то чулки и туфли-лодочки. На голове, за исключением ры-

жих кудрей, уложенных в сеточку с «мушками», никакого покрова не было. Длинная голая шея, посиневшие, растопыренные, должно быть, заочевенные уже пальцы с длинными гладкими ногтями, обильно унизанные кольцами, серьги, шарики на нитках, зеленым стеклом усыпанные, неуместно ярко сверкали в побелевших ушах. Обвешана разным, точь-в-точь елка.

— Что делать-то? — растерянно пролепетала Оля.

— Дышит? — спросил он грубо и ткнул пальцем в белую шею. Ага, что-то там прощупывалось. — Поднять ее.

Схватив дамочку под мышки, Колька потянул ее вверх, отметив невольно: «Ничего так кралечка, хорошенькая».

Более чем милым было это бледное личико со вздернутым носиком, родинкой над пухлыми губками, но как же плотно несло от нее! Дымом, табаком, духами, но более всего перегаром.

Оля хлопотала:

— Осторожно, не дергай. Вдруг перелом какой? Колька огрызнулся:

— Сама тащи, цацкаться со всякими. Лыжи не забудь!

Вроде бы не особо тяжелая, но тащить-то ее придется, пожалуй, до самой больницы. Сейчас в поселке мало кто остался, а те, что зимуют, вряд ли откроют среди ночи. Колька все еще соображал, куда податься со своей ношей, как решение